

Эпизоды заграничных походов 1814-1815 гг. на страницах «журналов» А. И. Михайловского-Данилевского

В своей монографии о русской мемуаристке 1812 г. А. Г. Тартаковский писал: «XIX век — классическая пора в истории мемуарного жанра в России, период его бурного роста и подлинного расцвета. Именно в XIX в. становится явственной демократизация круга авторов мемуаров, значительно увеличивается общее количество мемуарных памятников, обогащается их тематика и углубляются связи с печатным делом. В итоге необычайно возрастает влияние мемуаристики на общественно-культурную жизнь, удельный вес в общей системе источников, прежде всего повествовательных, среди которых она занимает теперь едва ли не ведущее место»¹. Особенно богата историческими событиями, сыгравшими решающую роль в судьбе России, первая четверть XIX в. Это отчасти обуславливает характер мемуаров, посвященных тому периоду. Без них картина политической, экономической и культурной жизни русского общества была бы неполной и неверной, так как они донесли до нас живые отклики современников на события «эпохи 1812 года», сохранили множество фактов и событий, портреты исторических деятелей, зарисовки быта.

Среди огромного комплекса дневников, воспоминаний и записок рассматриваемого периода времени выделяются «журналы» видного военного историка А. И. Михайловского-Данилевского (1790—1848), оставившего после себя богатейший архив. Этот архив включает не только значительную по объему коллекцию документальных материалов, писем, но и многочисленные тома «журналов» и дневников, которые Михайловский-Данилевский вел с 1808 г. до конца жизни. Объем мемуарного наследия историка чрезвычайно велик: общее число публикаций его мемуарно-исторических текстов в виде книг, журнальных и газетных статей превышает 70 названий, причем 40 из них составляют самостоятельные мемуарно-исторические произведения.

К сожалению мы пока мало знаем о личности и деятельности самого А. И. Михайловского-Данилевского. В источниковедческом аспекте его многотомные «журналы» почти не исследованы. Исключение представляют труды А. Г. Тартаковскогоⁱⁱ и Л. И. Бучинойⁱⁱⁱ, в которых затрагивался этот вопрос. Из последних публикаций необходимо назвать статью А. И. Сапожникова^{iv}, в которой прослеживается история создания воспоминаний Михайловского-Данилевского, сохранность его архива и проблемы, связанные с публикациями его мемуарного наследия.

На сегодняшний день дневники и «журналы» Михайловского-Данилевского рассредоточены по нескольким фондам — ОР РНБ (Ф. 488), ОР ИРЛИ (Ф. 527), ПФА РАН (Ф. 295), что значительно затрудняет их изучение и систематизацию. Наиболее полным собранием «журналов» (более 60 ед. хр.) обладает ОР РНБ. Хранящиеся там (Ф. 488) дневники и воспоминания Михайловского-Данилевского были частично опубликованы Н. К. Шильдером на страницах журналов «Русская старина» и «Исторический вестник». В данном сообщении автор использует материалы именно этого фонда, так как именно там находятся «журналы» интересующего нас периода 1812—1815 гг.

Содержание «журналов» Михайловского-Данилевского весьма богато, а по объему и разнообразию приводимых фактов они занимают одно из первых мест. Причина этого заключается, прежде всего, в личности самого автора, а также в том общественном положении, которое он занимал. Михайловский-Данилевский отличался наблюдательностью и пылкостью ученого, трепетным отношением к историческим документам, педантичностью и целеустремленностью в их собирании. Придавая огромное значение сохранению и использованию воспоминаний участников войн 1812—1815 гг., он, без сомнения, и на свои собственные «журналы» смотрел как на своеобразное завещание потомкам. Получив образование в одном из лучших университетов Германии, стремясь к знаниям, он волею судьбы попадает в высшее общество, став флигель-адъютантом Александра I. Самолюбивый, образованный молодой офицер не может не чувствовать себя чужаком в придворном кругу, где многие третировали его как «выскочку». Свои мысли, замечания о политической и придворной жизни, характеристики высших сановников империи Михайловский-Данилевский доверяет своему дневнику. В 1818 г. он пишет: «Последние шесть лет моей жизни, начиная с 1812 г., были для меня столь бурны, и я имел еще столь мало времени сообщить все, что в оных со мною случилось, что мне хочется по возвращении ныне в Москву описать оное вкратце и извлечь потом из происшествия нравственность, которая бы некогда послужила руководством для сына моего. Я изображу себя сперва посреди мирного уединения..., а потом на поле сражения и посреди царских дворцов в борьбе со страстями»^v.

В «журналах» Михайловского-Данилевского упоминается немало исторически знаменитых лиц, с которыми автор общался или же узнавал интересные подробности об их жизни. Это представители правящей верхушки России: Александр I, великие князья Константин и Николай Павловичи, П. М. Волконский, А. А. Аракчеев, М. М. Сперанский и др., генералы и полководцы: М.

И. Кутузов, Л. Л. Беннигсен, Д. С. Дохтуров, М. А. Милорадович, К. Ф. Толь, а также поэты и писатели, с которыми Михайловский-Данилевский находился в дружеских отношениях: Ф. Н. Глинка, И. И. Дмитриев, А. Ф. Воейков и др. Особенный интерес представляют страницы дневников, посвященные декабристам: Н. И. Тургеневу, А. Ф. Бриггену, А. Н. Муравьеву, а также событиям восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге и на Украине.

Хронологически «журналь» Михайловского-Данилевского охватывает период с конца XVIII в. (ретроспективные повествования об эпизодах царствования Павла I) до 30-х годов XIX в. (польское восстание 1831 г.). Автор повествует не только о событиях и лицах отечественной истории. Вспоминая годы учебы в Геттингене, он пишет о своих профессорах, европейских знаменитостях того времени, художниках и писателях: Х. А. Геде, А. Ф. Коцебу, Шатобриане, Ф. Жераре. Путешествуя в свите Александра I по Европе, молодой флигель-адъютант на страницах своего дневника оставляет критические отзывы о представителях правящих династий: австрийских Габсбургах, прусском короле Фридрихе-Вильгельме и др.

Подробный источниковедческий анализ многочисленных «журналов» Михайловского-Данилевского — тема отдельного обширного исследования. Цель данного сообщения иная — обратить внимание исследователей на этот источник и кратко охарактеризовать тот объем фактических сведений, в частности, по истории Заграничных походов, который он в себе заключает. Попутно мы коснемся полузабытого эпизода отечественной военной истории, а именно — вторичного пребывания русской армии в Париже в 1815 г.

Как известно, в мемуарной литературе непосредственно и открыто выражается личностное начало, в силу чего на передний план выступает сам автор. Поэтому «журналь» Михайловского-Данилевского служат прежде всего источником, раскрывающим взгляды и мировоззрение самого историка и факты его биографии. Именно «журналы» дали бесценный материал всем биографам Александра Ивановича: Л. И. Брандту^{VI}, Н. М. Затворницкому^{VII}, С. А. Малышкину^{VIII}. Особенно ярко рисуют мемуары Михайловского-Данилевского его положение при дворе и отношение самого автора к придворной аристократии. Так, увидев кедр в ботаническом саду, он отвернулся от него, потому что кедр, возвышаясь над всеми другими деревьями, ассоциировался у него с царедворцами, «низости коих я ежедневно бываю свидетелем, и которые поселили во мне неизгладимое мое к себе презрение. К сему человеконенавистническому чувству немало способствовало то обстоятельство, что я окружен завистниками, но которых я хочу заставить почитать себя тем, что они свидетели дневных и ночных трудов моих. Я бегаю приятельских бесед, чтобы рассеянностью не сделать упущений по службе, не подать повода к торжеству моих недоброжелателей, чтобы со временем, оставляя занимаемое мною место, сохранить успокоение совести, что в затруднительных обстоятельствах и посреди очаровательных соблазнов, которые ежедневно представлялись, я в точности выполнял обязанности мои»^{IX}.

«Журналь» раскрывают как внутренний мир Михайловского-Данилевского, его интеллектуальные запросы, так и изменение его политических взглядов на протяжении всей жизни, что также ценно для каждого, кто изучает труды и воспоминания историографа. Л. И. Бучина считает, что на период 1814-1815 гг. приходится своеобразный пик свободолюбивых настроений Михайловского-Данилевского. Однако, уже в 1818 г. он заносит в свой «журнал» следующее рассуждение о «Священном союзе»: «Союз сей составляет теперь предмет замысловатых критик либеральных писателей, которые господствуют над умами; они утверждают, что он имеет целью препятствовать просвещению и водворению представительных правительств в различных государствах. Не будучи отнюдь защитником деспотизма и невежества, я с ними, однако же, вовсе не согласен... Когда все колеблется и ничто не ручается за спокойствие, когда не может существовать ни надежное обладание собственностью, ни семейное счастье, ибо в войне погибает то отец, то супруг, то сын, то и сами науки не могут процветать. Что Священный союз не препятствует водворению представительных правительств, то доказал сам Александр конституциею, дарованною им Польше...»^X Окружающая действительность далеко не всегда устраивала Михайловского-Данилевского, он видел многие недостатки современной ему России, злоупотребления властей, и считал, что перемены необходимы. Но каким образом их следует осуществить? «Так как я был издавна того мнения, что все полезное в свете произошло не от совокупленного усилия многих особ, но от частных лиц, и теперь вместо учреждения обществ я полагал лучше каждому, любящему свое отечество, стараться в кругу, в которой каждый поставлен, делать столько добра и пользы, сколько в состоянии»^{XI} — так отвечал Михайловский-Данилевский на вопрос А. Н. Муравьева о его отношении к тайным обществам. Таким образом, революционный радикализм многих декабристов был ему чужд, и чем дальше от реформ уходила политика правительства, тем более консервативными становились взгляды Александра Ивановича.

Наиболее ценную часть мемуарного наследия Михайловского-Данилевского составляют его «журналь» периода наполеоновских войн. Лучшее других в исторической литературе известен «Журнал 1812 г.» (сам дневник, появившийся в период Отечественной войны, не сохранился), полностью опубликованный еще в конце XIX в.^{XII} Фрагменты воспоминаний о заграничных походах публиковались автором в журналах «Сын Отечества» и «Вестник Европы» за 1817 г., но сами «журналы» и послужившие их основой дневники до нашего времени так и не изданы. Первым шагом на пути введения в научный оборот

мемуарного наследия Михайловского-Данилевского является публикация «Журнала 1813 года», осуществленная Тартаковским^{xiii}. Поэтому есть смысл остановиться на содержании еще неопубликованных «Журнала 1814 года» и «Журнала 1815 года» — замечательных (по полноте и свежести исторических сведений) описаниях заграничных походов русской армии. Война освещается в них не только как ряд боевых действий, но с точки зрения причастного к высшему командованию офицера, которому были известны многие дипломатические тайны.

Содержание «журналов» Михайловского-Данилевского за 1814—1815 гг. весьма разнообразно. В ряде случаев сохранилось несколько редакций за одинаковый промежуток времени, содержание которых совпадает, например, дневник «О пребывании в Вене в 1814—1815 гг.» представляет собой перевод и обработку черногого дневника «Записки во время пребывания в Вене 14 сентября 1814 по 13 мая 1815 г.» и содержит те же сведения.

Страницы «журналов» 1814—1815 гг. проникнуты идеями патриотизма и служения Отечеству. С особенным чувством Михайловский-Данилевский описывает пребывание русской армии в покоренном Париже в марте 1814г., отмечая то великодушие, которое проявили победители к французам, не унизив их национального достоинства. «От Москвы до Парижа мы поражали неприятеля силою, но 19 марта и в последующие дни мы покорили их великодушием. Россияне забыли грабежи их и пожары в Отечестве своем, уважили памятники их, избавили их от поработившего ига, основали временное правительство, пригласили на престол род, издревле царствовавший, возвратили 200 тысяч пленных, почтили генералов и воинов, сражавшихся в неприятельских рядах, обеспечили благосостояние фамилии Наполеона и покровительствовали нередко французам вопреки самим союзникам своим»^{xiv}.

Таким образом, в глазах современника, участника заграничных походов русской армии, на первое место выдвигалась цель умиротворения Европы, избавление ее от наполеоновской диктатуры, а не захват территорий и перекраивание политической карты. Многочисленные примеры, приведенные в записках Михайловского-Данилевского, иллюстрируют тот факт, что именно Россия в лице Александра I имела реальную власть и влияние на европейские дела в то время. Именно сила русского оружия и дипломатическое искусство русского царя послужили главной причиной падения империи Наполеона. Находясь среди ближайшего окружения Александра I, ведя дипломатическую переписку, присутствуя на военных советах союзников, Михайловский-Данилевский фиксирует в своих записках в 1815 г.: «Всею Европою признано, а особенно же Франциею, что он (Александр) один управлял коалицией. Французы всех состояний обращают особое внимание на государя. Лестница, сени и передние комнаты дома, где Его Величество изволил остановиться в Нанси, бываюи наполнены народом с утра до вечера, лучшие люди города ожидают, чтобы взглянуть на императора; напротив, короля прусского и императора Франца никто и знать не хочет; улицы, в которых они живут, столь же пусты, как будто бы монархов сих там и не было»^{xv}. Находясь на службе у императора, вращаясь в придворном кругу, А. И. Михайловский-Данилевский не мог не уделять на страницах своих «журналов» большого внимания личности Александра I. Как и многие в то время, он восторженно отзывается о заслугах царя в деле создания антинаполеоновской коалиции. Вместе с тем, повествуя о Венском конгрессе, он дает критическую оценку его дипломатии.

«Журналь» Михайловского-Данилевского поистине уникальны, ибо расширяют наши представления о таком малоизученном эпизоде нашей военной истории, как кампания 1815 г. и вторичное пребывание русских в Париже. Как известно, бегство Наполеона с острова Эльба расстроило все антирусские планы держав — участниц Венского конгресса. Когда Наполеон без единого сражения достиг Парижа, Людовик XVIII так поспешно бежал из столицы в Бельгию, что забыл захватить с собой тайный договор между Францией, Австрией и Англией, в котором союзники соглашались предоставить коалиции по 150 тыс. солдат для войны с Россией. Найдя договор ратифицированным 3 января 1815 г., на письменном столе бежавшего короля, Наполеон немедленно призвал секретаря русского посольства Будягина и поручил ему передать в руки царя этот документ. Будягин направился в Вену и 8 апреля вручил документ Александру I. В тот критический момент царь проявил себя истинным дипломатом. Он пригласил на аудиенцию своего советника по европейским делам барона Генриха Штейна и князя Меттерниха, предъявил им текст договора и со словами: «Меттерних, пока мы оба живы, об этом предмете никогда не должно быть разговора между нами. Нам предстоят теперь другие дела. Наполеон возвратился, и поэтому наш союз должен быть крепче, чем когда-либо», царь бросил документ в пылающий камин. Александр не мог забыть разорение России в 1812г. и простить Наполеону нарушение клятвенных обещаний, данных в Тильзите. 25 марта 1815 г. он подписывает со своими союзниками декларацию, на основании которой Наполеон был признан нарушителем общего мира и объявлен стоящим вне покровительства законов. Всего против Наполеона союзники выставили огромную армию в 800 тыс. человек, в том числе 67 тыс. русских под начальством фельдмаршала Барклая де Толли. Как и во время кампаний 1813-1814 гг., император Александр желал непременно находиться в самом центре военных действий. Несмотря на недовольство австрийцев, не желавших его личного вмешательства в дела их Главной квартиры, царь 6 июня приехал в Гейдельберг. Его сопровождала небольшая свита, куда входил и Михайловский-Данилевский. Победа Наполеона при Линьи вызвала тревогу в союзной Главной квартире, и 20 июня был созван военный совет, который принял решение двинуть русско-австрийскую армию к Нанси. Вместе с войсками в Нанси переехал и

Александр I. На страницах своего «Журнала 1815 года» Михайловский-Данилевский вспоминает день, когда он впервые был приглашен в кабинет императора. Это произошло 23 июня. «...Благоговение меня объяло, когда я вошел в комнату, где государь сидел один и смотрел на карту. Сделав мне благосклонное приветствие, Его Величество велели прочесть ему некоторые секретные бумаги на немецком языке, который, сколько я заметил, он знал довольно твердо. Его Величество был весел и важен, и продолжая глядеть на карту по окончании моего чтения сказал князю Волконскому — «Не пойти ли нам в один переход из Вуа в Сен-Дизье, вместо того, чтобы останавливаться в Линьи?» Будет ли уметь потомство ценить необыкновенные свойства сего мужа, с которым из наших современников никто сравниться не может?»^{xvi} Это замечание мемуариста будет звучать особенно убедительно, если мы вспомним о передовых взглядах молодого Михайловского-Данилевского, о его дружбе с будущими декабристами. Видимо, в то время пути русского либерализма и правительства еще не разошлись...

Вернемся к событиям 1815г. Опасения союзников продолжались недолго. Известие о победе при Ватерлоо заставило их как можно скорее двинуться на Париж. Наполеон 25 июня вторично отрекается от престола в пользу своего сына, а сам отправляется в Рошефор. 26 июня в Шомоне Александр I получает сообщение о том, что войска Веллингтона и Блюхера заняли Париж. Во главе наступающих союзных войск царь прибывает в Сен-Дизье, находящемся в 200 верстах от Парижа. Там он встречается с курьером, прибывшим из Парижа, графом А. И. Чернышевым, который привез сведения о том, что население столицы настроено против Бурбонов. Веллингтон, со своей стороны, уверял, что только присутствие Александра, пользовавшегося огромной популярностью среди парижан, сможет восстановить порядок. Вот что пишет об этом Михайловский-Данилевский: «Безопасность Парижа угрожаема мятежными жителями сего города, нельзя полагаться на национальную гвардию, потому что она в течении полутора года присягала трем правительствам... Веллингтон и Блюхер почитают выше сил своих восстановить порядок и они...убедительно просят монархов об ускорении прибытия своего в сию столицу. Левая колонна русской армии, при которой находятся их Величества, пришла 27 июня в Сен-Дизье, расстояние от Парижа в 220 верстах, следовательно, она не может быть там прежде семи или восьми суток, а каждая минута драгоценна... Минута медленности заставит, может быть, проливать реки крови человеческой, с другой стороны, кажется отважным проехать из нашей главной квартиры до Парижа 220 верст расстояния не занятого нашими войсками. Государь решил, однако же, отправиться из Сен-Дизье, следовательно, из этого самого города, где Наполеон в марте 1814г., сделав движение на нашу линию сообщений, лишился престола»^{xvii}. Александр немедленно покинул Главную квартиру, сопровождаемый императором Францем, Меттернихом и королем Фридрихом-Вильгельмом. В свите царя находились графы Нессельроде и Каподистрия, князь П. М. Волконский и Михайловский-Данилевский, который, по его собственному признанию, заплакал от радости, когда узнал о том, что едет с Александром в Париж. «Мы все поместились в девяти экипажах и положено было не отставать друг от друга и ехать вместе. На каждой станции выставлялось по 50 казаков, назначенных нам в сопровождение, под начальством графа Орлова-Денисова»^{xviii}. Воспоминания Михайловского-Данилевского донесли до нас некоторые подробности этого необычного и рискованного путешествия: «Множество народа окружало нас в селениях, особенно на почтах, жители принимали нас довольно равнодушно, а в некоторых местах они буйными толпами теснились вокруг коляски государя и грубыми голосами своими провозглашали то императрицу Марию-Луизу, то Людовика XVIII, иногда Наполеона, но чаще всего слышно было: «Да здравствует император Александр I», а о прочих союзных государях не упоминал никто ни слова... В те минуты, когда император останавливался на станциях для перемены лошадей... я ни на шаг от него не отлучался и всегда стоял подле Его Величества, читая из ласковых взоров Государя, на меня обращенных, и улыбки его, что он понимал мою заботливость о нем. Как щастлив был бы я, ежели бы мог тогда отдать за него жизнь мою! Должно удивляться, с какою смелостию Государь решился на столь опасный путь, в котором сотня решительных французов могла переменить участь вселенной, взяв в плен двух императоров и одного короля. Мы обеззжали непроходимо дефилею крепость Випри, которая еще не сдалась и где несколько тысяч гарнизону. Она обложена малым числом наших драгун; французы со стены могли ясно видеть наше следование, две колонны вышли из города; сердце мое затрепетало, но они скоро возвратились в оный. Государь мог сказать в подражание кесарю: "Чего ты страшишься, ты везешь Александра!"»^{xix}. 10 июля Александр I со своей свитой благополучно прибывает в Париж и останавливается в Елисейском дворце. В том же «Журнале 1815 года» Михайловский-Данилевский вспоминает подробности этого вторичного пребывания русских в Париже. «Толпы народа блуждали за нами, вызывая с радостью: вот русский, вот русский! ... Парижане не полагали так скоро видеть Государя, радость их

становилась тем сильнее, что приезд Его Величества для них неожиданней...Парижане взывают с восторгом: "Вот Александр, вот наш избавитель!"^{xx} Действительно, только присутствие русского императора успокоило французов: все партии, кроме крайних бонапартистов, признавали его своим покровителем и спасителем Франции. Популярность Александра еще более возросла после того, как он отменил варварский приказ прусского маршала Блюхера, намеревавшегося, несмотря на протесты французского правительства, взорвать Иенский мост. Кроме того, он значительно уменьшил контрибуцию, наложенную на Париж.

Несмотря на возбуждение, царившее в городе, Александр, не обращая внимания на предупреждения французской полиции, ходил по Парижу пешком один, без свиты, или прогуливался по Елисейским полям верхом, в сопровождении одного конюшего. На официальные приемы царь ездил в открытой коляске, с двумя лакеями-французами, без какой-либо охраны. Михайловский-Данилевский в своем «журнале» отмечает подробности тех памятных дней. Император «большую часть дня проводит один в прекрасном саду при Елиз-Бурбон; никто, кроме меня не может видеть Его, ибо окна моей спальни выходят в сад сей, и я всякий день по несколько раз смотрю на Государя, как он в совершенном уединении то занимается делами, то кормит и гладит лебедя, который был также некогда любим Наполеоном. Император почти всегда задумчив, иногда появляется на устах его улыбка, черты лица принимают веселый вид, и я столь много люблю Государя, что и я в сии минуты счастлив! Несколько раз видел я, как он с 10 часов утра до двух сидел в беседке и писал.. приметно было, что ничто не рассеивало его и что он предавался совершенно течению мыслей своих»^{xxi}.

Воспоминания Михайловского-Данилевского отличаются тем, что написаны пером внимательного и вдумчивого автора, ясно понимавшего, какой великой эпохи он оказался свидетелем и деятельным участником. Думается, мало кто из мемуаристов оставил столько точных характеристик и живых зарисовок своих современников. Этому способствовали прекрасное образование, широта взглядов и несомненный литературный дар Александра Ивановича. Он фиксирует не только слова и поступки царя, но пытается проникнуть в его сложный внутренний мир, что делает его мемуары еще более ценными для историков. Так, отмечая изменения, произошедшие в Александре в 1815 г., он пишет: «Сколько я мог заметить, любовь к уединению сделалась с нынешнего года господствующей чертой в характере Императора, он стал совсем не тот человек, каковым был прошлого года в Париже и на Венском конгрессе, где видно было, сколь великое удовольствие он находил в обществах. Теперь он избегает разсеянности и утешение его состоит в том, чтобы быть одному, скрытность и недоверчивость им тоже более и более овладевают...» Михайловский-Данилевский объясняет это тем, что «Александр был поражен необыкновенными событиями, в которые он был вовлечен и в которых, как по великим способностям своим, так и по могуществу империи своей, занял он первое место»^{xxii}. Примечательно и следующее замечание мемуариста: «Недоверчивость Императора происходит также... от посредственности тех людей, которыми он окружен. Ежели дружба должна быть основана на взаимном уважении, то Александр не может иметь другом никого из тех, которых я несколько лет вижу около него. Он смотрит на свет с возвышенной точки зрения, ему известны тайны современные происшествий, порождающие множество новых мыслей. Близкие же его люди рождаются подданными, принуждены остаться в тесной сфере, назначенной для них природою... Я уже прежде заметил, что Император имеет чрезвычайную поверхность над

всеми, которые его окружают, по дарованиям своим, по образованию своему и по той причине, что он один, который имеет нить всех происшествий последних годов, он один управляет и военными, и дипломатическими, и гражданскими делами»^{xxiii}.

Как известно, вторичное пребывание союзных армий в Париже закончилось подписанием 20 ноября 1815 г. Второго Парижского мирного договора, по условиям которого, благодаря энергичному вмешательству царя, Франция понесла умеренные потери и сохранила свои границы 1790 г. Для обеспечения уплаты контрибуции в 700 млн. франков (из которых Россия получала 100 млн.) и спокойствия страны союзные войска заняли 17 крепостей в северо-восточных департаментах. Срок оккупации определен в 5 лет, а численность союзных войск ограничена 150 тыс. человек, из которых 27 тыс. были русские (корпус графа М.С. Воронцова). Западные державы признавали за Россией право на Финляндию, Бессарабию, присоединенную еще в 1812 г. Династическая уния с вновь образованным под скипетром Александра Королевством Польским расширяет границы России до самого центра Европы, тесно связывая ее судьбы с судьбой Европейского континента.

Итак, краткий обзор содержания дневников и журналов А.И. Михайловского-Данилевского за период 1814-1815 гг. показывает неоспоримый интерес приведенных в них сведений, фактов и характеристик. Для примера возьмем военный аспект. Как отмечалось в монографии Б.С. Абахиной и В. А. Дунаевского, «1812 год на перекрестках мнений советских историков»^{xxiv}, в изучении этой темы имеются серьезные пробелы: очень слабо освещено управление войсками русской и наполеоновской армий, особенно деятельность военных советов. По понятным

мотивам в советское время не получил должной оценки и вклад императора Александра I в дело разгрома наполеоновской Франции и степень его личного участия в военных действиях. Для биографов императора Александра I, начиная с Н.К. Шильдера, мемуарное наследие Михайловского-Данилевского продолжает оставаться важнейшим и еще до конца не оцененным источником.

Примечания

ⁱ *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 15.

ⁱⁱ Там же.

ⁱⁱⁱ *Булгина Л.И.* Дневники А. И. Михайловского-Данилевского 1814— 1815гг. // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг ГПБ. Л., 1987.

^{iv} *Сапожников А. И.* Мемуары А. И. Михайловского-Данилевского // Российская национальная библиотека. Рукописные памятники. Вып. 1. Публикации и исследования. СПб., 1996

^v ОР РНБ. Ф. 488. Д. 17. Л. 137.

^{vi} *Брандт Л.В.* А. И. Михайловский-Данилевский // Сын Отечества. 1849. Кн. 2.

^{vii} *Затворницкий Н. М.* Памяти членов Военного совета // Столетие Военного министерства. СПб., 1907. Т. 3. Отд. 4.

^{viii} *Мальшикин С. А.* Русский военный историк А. И. Михайловский - Данилевский и его «Описание Отечественной войны в 1812 году». Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М.: МГИАИ, 1990.

^{ix} ОР РНБ. Ф. 488. Д. 9. Л. 108 об -109.

^x Там же. Д. 17. Л. 11-11 об.

^{xi} Русский вестник. 1890. № 9. С. 150-151.

^{xii} Исторический вестник. 1890. № 100.

^{xiii} *Михайловский-Данилевский А. И.* Журнал 1813 года // 1812 год — Военные дневники. Сб. документов. М., 1990.

^{xiv} ОР РНБ. Ф. 488. Д. 7. Л. 114.

^{xv} Там же. Д. 12. Л. 145-145 об.

^{xvi} Там же. Л. 144-145.

^{xvii} Там же. Л. 147 об-149.

^{xviii} Там же. Л. 149.

^{xix} Там же. Л. 149 об-150.

^{xx} Там же. Л. 152.

^{xxi} Там же. Л. 220.

^{xxii} Там же. Л. 220-221.

^{xxiii} Там же. Л. 223.

^{xxiv} *Абалихин Б. С., Дунаевский В. А.* 1812 год на перекрестках мнений советских историков. М., 1990.